

ЧТО ЗНАЧИТ «ВОСТОЧНАЯ ПРУССИЯ» ДЛЯ КАЛИНИНГРАДЦЕВ?

Валерий Гальцов

ABSTRACT

The article focuses on the role of the specificity related to East Prussia and its past in the current self-consciousness of the population of Kaliningrad Oblast and in the future strategies of the said territory of Russia. The author questions both the impact of the above mentioned specificity on the formation of uniqueness of Kaliningrad people in the context of other Russian territories and the existence of a special Kaliningradian identity. To his mind, for the population of Kaliningrad, East Prussia is a multidimensional symbol that provokes different social-cultural phenomena and simultaneously is used in order to trigger, maintain, and enhance the phenomena.

KEY WORDS: East Prussia, Kaliningrad Oblast, images of East Prussia, cultural heritage of East Prussia, Kaliningradian identity.

ANOTACIJA

Straipsnyje svarstoma, kokį vaidmenį specifika, susijusi su Rytų Prūsija ir jos praeitimi, vaidina dabartinėje Kaliningrado srities gyventojų savivokoje ir šios Rusijos teritorijos ateities strategijose. Autorius abejoja tiek šios specifikos įtaka formuojantis kaliningradiečių savitumui kitų Rusijos teritorijų kontekste, tiek ir ypatingos kaliningradietiškos tapatybės egzistavimu. Jo nuomone, Rytų Prūsija kaliningradiečiams yra daugiareikšmis simbolis, provokuojantis įvairius sociokultūrinius reiškinius ir kartu eksploatuojamas tiems reiškiniams sukelti, palaikyti ir stiprinti.

PAGRINDINIAI ŽODŽIAI: Rytų Prūsija, Kaliningrado sritis, Rytų Prūsijos įvaizdžiai, Rytų Prūsijos kultūros paveldas, kaliningradietiška tapatybė.

*Валерий Иванович Гальцов, кандидат исторических наук, доцент,
заведующий Кафедрой специальных исторических дисциплин и региональной истории,
декан Исторического факультета*

*Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта,
г. Калининград, ул. А. Невского 14, 236041, Россия*

Эл. почта: v.galtsov@rambler.ru

Что значит «Восточная Пруссия» для калининградцев? Сама постановка такого вопроса указывает на необычную специфику Калининградской области, даже с учетом того, что подобный вопрос может быть задан жителям любого другого региона России. Вполне обоснованно спросить, допустим, во Владимирской области «Что значит для современных владимирцев Великое княжество Владимирское?». Только возможные подтексты такого вопроса и его контекст будут заметно отличаться от калининградского случая. Во Владимире ответ будет учитывать историческую преемственность, непрерывную историко-культурную традицию людей, которые могут иметь даже генетическую связь с давними жителями владимирского края. В ответе на этот вопрос социально-политическая составляющая, которая могла бы иметь какое-либо серьезное значение для современной жизни владимирцев, вряд ли будет заметна. Очевидно, что подобная ситуация в Калининградской области иная. Здесь вопрос об отношении к бывшей Восточной Пруссии можно отнести к категории злободневных, а ответ на него напрямую связан с продолжающимся процессом самоопределения калининградцев и, в определенной степени, может оказывать воздействие на будущее Кали-

нинградской области. Но так ли это на самом деле? Не является ли такой тезис надуманным или преувеличенным?

Восточная Пруссия в программах развития Калининградской области

Сам факт создания Калининградской области на части территории Восточной Пруссии и официально запрещенная для населения досоветская история края сделали тему «Восточная Пруссия» маргинальной, таинственной. Поэтому с неизбежностью она оказалась со временем (с конца 80-х годов) предметом повышенного и все возрастающего интереса. Более того, как только в стране появились свобода мнений и свобода слова, такие ушедшие в прошлое явления человеческой жизни, как «Восточная Пруссия», «Кёнигсберг» стали не просто привлекать внимание, но, в определенной степени, оказывать воздействие на жизнь в Калининградской области.

Так, в частности, после распада Советского Союза именно для Калининградской области жизненную важность приобрела проблема дальнейшего существования и развития региона в новых геополитических условиях. И острота этой проблемы обуславливалась не только особой специфичностью области в виду ее эксклавного положения в составе новой России, но и грузом нерешенных вопросов, связанных с отношением к бывшей Восточной Пруссии (при этом, в ранге не подлежащих обсуждению для россиян был и остается вопрос о принадлежности России части бывшей Восточной Пруссии – нынешней Калининградской области).

В этой связи можно обратить внимание на такой факт. В начале 90-х годов в экспертном сообществе как в России, так и за ее пределами активно разрабатывались рекомендации и программы, касающиеся стратегии развития Калининградской области в новых условиях. В результате были сформулированы четыре основных направления рекомендаций:

1. Относиться к области как к обычному субъекту Российской Федерации, требующему федеральной поддержки, концентрируя внимание на усилении экономической безопасности региона.

2. Рассматривать область как особый регион в составе России, который требует решения проблемы регионального развития за счет специальной экономической политики Москвы, включающей особый механизм хозяйствования, например, – Особую экономическую зону и финансовую поддержку в рамках Федеральной целевой программы. (В общих чертах именно это направление развития области фактически и реализуется с начала 90-х гг.)

3. Организовать усиленную помощь области со стороны Запада (прежде всего Европейского Союза) и предоставить ей особый политический статус с учетом того, что Россия не обладает ресурсами для обеспечения надлежащих условий регионального развития.

4. Попытаться сбалансировать три вышеназванных направления, первое из которых отражает, преимущественно федеральные интересы, второе – региональные, третье – международные интересы.

В рамках третьего направления в разработке рекомендаций активно участвовали зарубежные эксперты и организации. Их предложения отличались многообразием концепций – от установления над областью кондоминиума (совместного международного управления при разных вариантах участников) до воссоздания суверенной Восточной Пруссии на бывших прусских землях¹. И хотя последнее предложение в условиях современных международных

¹ См.: *Стратегии развития Калининградской области*. Под ред. А. КЛЕМЕШЕВА, В. МАУ. Калининград, 2007, с. 13, 21.

отношений выглядит фантастическим, тем не менее, у него немало общего с предложениями появившейся в Калининграде так называемой «Балтийской республиканской партии» о создании на территории области «четвертой балтийской республики», которые позже трансформировались в идею республики в составе России. Проводившиеся в 2001–2005 годах социологические опросы показали, что за независимое государство на территории области высказывались около 10 % респондентов².

Борьба идей вокруг немецко-прусского прошлого

Можно сказать, что и в настоящее время термин «Восточная Пруссия» присутствует в разном качестве в лексиконе калининградских и других российских экономистов и политиков. Но в еще большей степени он является серьезным раздражителем в борьбе идеологий, прежде всего, среди калининградцев.

Новая советская область после войны была территорией особенно активной антигерманской (антизападной, антикапиталистической) пропаганды, которая на деле выражалась в практически полном отрицании всего немецкого как в вербальном, так и в материальном плане. С начала 90-х годов целенаправленного разрушения остатков немецкой цивилизации на идейной основе не стало (отчасти еще и потому, что уже мало что осталось разрушать), но это не значит, что не стало и борьбы идей вокруг немецко-прусского прошлого. Наоборот, эта борьба именно тогда, с появлением свободы мысли, по-настоящему началась и продолжается до сих пор, то затухая, то вспыхивая время от времени. Антикапиталистическая пропаганда и декларируемая властями «идейная монолитность общества» ушли в прошлое; остался идейный раскол калининградского общества, в котором центральное место занимает отношение к немецкому прошлому края и остаткам немецкой материальной культуры. С одной стороны они играют важную роль для тех, кто считает, что в Калининградской области формируется особая этническая общность. С другой стороны, они представляют угрозу для защитников русских традиционных культурных ценностей, для тех, кто убежден, что только они являются настоящими патриотами России.

В обобщенном виде взгляды таких людей в Калининградской области, пожалуй, наиболее профессионально высказывает и активно отстаивает специалист по истории русской консервативной мысли XIX в. историк Владимир Шульгин. Недавно он был удостоен областной премии в номинации «Патриот Земли Российской», стал генеральным директором некоммерческого партнерства «Центр изучения родной культуры им. И. А. Ильина» и в этом качестве в октябре 2010 г. обратился с открытым письмом к Николаю Цуканову по случаю его избрания губернатором Калининградской области, поскольку, как пишет автор, «Мы – калининградцы увидели, что Вы [в отличие от Георгия Бооса – В. Г.] с большим уважением относитесь к родной культуре славянского православного большинства жителей Калининградской области, что для Вас благословение Патриарха Кирилла не пустая формальность. Поэтому, Николай Николаевич, можете быть уверены в том, что православные верующие и православные по культуре люди (число которых составляет не менее 80 % от населения региона) полностью Вас поддерживают». Вот основные тезисы этого письма:

- «Молодые люди становятся «Иванами, не помнящими родства», т. к. сегодняшними западниками региона людям навязывается приоритет чужой немецкой культуры, которая якобы должна здесь доминировать вечно. Отсюда и продавливание чуждой идеи

² Ibid., с. 35.

«восстановления Германского Королевского замка». [...] протесты патриотической общественности против строительства замка до сих пор игнорируются. Г. В. Боос, полагая, почему-то, что все калининградцы хотят стать немцами, стал открыто выражать поддержку лоббистам строительства замка. Совсем недавно он публично заявил о своём решении провести в марте 2011 года калининградский референдум по вопросу восстановления замка «Кёнигсберг»... Кроме того, под давлением «оранжевых» кругов был принят градостроительный план застройки центра города в германском стиле «а-ля Кёнигсберг». Заметим попутно, что автор, все-таки не так уж принципиален в этом вопросе т. к. дальше пишет о том, что «проблему воссоздания Королевского замка «Кёнигсберг» необходимо увязать с одновременным восстановлением в Польше монументального Александро-Невского Собора, варварски разрушенного в 1924–1926 гг. в Варшаве. Собор был построен по проекту выдающегося русского архитектора Л. Н. Бенуа (открыт в 1912 г.) [...] Уважение к разрушенным памятникам культурного наследия России и Европы должно быть взаимным».

- «продолжает действовать многолетний гипноз противоестественной для граждан России и очень настырной рекламы Кёнигсберга и Пруссии».
- «Большинству молодёжи навязывается ложная «евро-прусская» «калининградская идентичность» (через школьные программы по краеведению (на 80 % состоящие из чужой истории и культуры), через некоторые местные СМИ и даже через оформление остановок общественного транспорта). Это не способствует народному единству многонациональной России. Наоборот, своеобразные козыри получают зарубежные технологи цветных революций, которые под прикрытием различных фондов и НКО достаточно плотно работают с калининградской молодёжью, заменяя их пророссийский вектор, на проевропейский.»
- «Всем россиянам: русским, белорусам, украинцам, татарам и другим, проживающим в нашем регионе, с помощью разнообразной «прусской мишуры» пытаются усложнить поиск своих корней и осуществление полноценной национальной самоидентификации. Пытаются искусственно создать и навязать молодёжи ложную «калининградскую идентичность» ([...] вместо своей русской или любой другой национальности высосанный из пальца «этнос» – калининградец.)»
- «Наш народ-победитель пришёл навсегда на исконные славяно-балтские земли Балтийского Поморья, на родину князя Рюрика – основателя древнерусского государства. Это факт исторической справедливости. Именно поэтому нам – калининградцам – достаточно восстановить и сохранить многочисленные полуразрушенные архитектурные памятники немецкой истории и культуры, но мы не должны акцентировать на них внимание наших детей и молодёжи. Каждый народ должен, прежде всего, знать свою родную историю и культуру. Не любя своего и чужого ценить не будешь!»
- По мнению автора, для защиты русской культуры и национальной идентичности в Калининградской области необходим комплекс мер, и начать надо с того, чтобы «Повлиять на непатриотично настроенных представителей региональной и муниципальной власти, излишне увлеченных чужой для калининградцев историей и культурой, и направить их усилия на создание приоритетных условий для изучения детьми, студентами, молодёжью и другими жителями Калининградской области многовековой истории и культуры российских народов, проживающих в регионах, являющихся основными

донорами первоначального населения Калининградской области». И далее: «Мы считаем, что Калининградская область, заселенная более чем на 90 процентов представителями русского, белорусского и украинского народов, должна стать своеобразным ресурсным и образовательным центром, объединяющим представителей Русского мира Прибалтики».

- «Кроме этого наш регион идеально подходит как площадка для контактов с консервативными интеллектуалами Европы, которые видят в великой русской культуре, литературном и философском наследии нашей Родины возможность для выхода стран Европейского Союза из постхристианского суперлиберального тупика. Этот тупик очень похож на безбожный коммунистический тупик, который привёл к разрушению Советского Союза. [...] Поэтому мы предлагаем российскому правительству разработать для Калининградской области другую концепцию развития внутреннего туризма. Наша концепция называется «Янтарный край – европейский музей российской культуры». Её основа в том, чтобы создать в каждом крупном муниципальном образовании нашей области различные объекты инфраструктуры культурно-познавательного туризма. Такими объектами могут быть этнографические деревни – культурные и ремесленные гостиничные центры на основе этнографических и исторических материалов по славянскому и прусскому населению южнобалтийского побережья и населению регионов – доноров первоначального населения Калининградской области.»
- «предлагаем Губернатору Калининградской области Николаю Цуканову – коренному жителю региона инициировать создание калининградского общественного движения «Союз потомков первых калининградцев «Наследники Победы». Надеемся, что с Вашей помощью нам удастся достичь установления ежегодного празднования новой межрегиональной памятной даты – 9 июля – Дня памяти первых калининградцев, т. к. именно 9 июля 1946 года было подписано постановление Совета Министров СССР № 1522, давшее старт государственной программе заселения Калининградской области.»
- «в целях развития экономики нашего региона и оптимизации затрат на содержание калининградского регионального правительства, предлагаем [...] рассмотреть вопрос об инициировании процесса объединения Калининградской и Ленинградской областей в единый новый субъект РФ – Балтийский край»³.

Не трудно заметить, что это письмо есть отражение не столько калининградских проблем, сколько общих проблем самоопределения современных россиян, в решении которых центральное место занимает вопрос об отношении к советскому прошлому и трудности строительства новой Российской Федерации. Кто мы, россияне многонациональной федерации, субъекты и народы которой имеют равные права, где, по Конституции, нет старших и младших народов? Наследниками каких, накопленных в нашей стране ценностей (условно говоря, европейских, азиатских, христианских, мусульманских, и т. д.) мы являемся, и какие из них могут считаться национальнообразующими? По этим и многим другим сложным вопросам межнациональных отношений в обществе нет консенсуса.

Надо иметь в виду, что письмо В. Шульгина отражает мнение сравнительно небольшой группы записных патриотов страны, поклонников идеи «Святой Руси» или, попросту го-

³ Открытое письмо Губернатору Калининградской области Н. Н. Цуканову, 27 октября 2010 г. [последнее посещение: 14.1.2012]. интернет-сайт: <<http://exclav.ru/stati/temvi/otkryitoe-pismo-gubernatoru-kaliningradskoy-oblasti-n.-n.-tsukanovu.html>>.

вора, уваровской теории «самодержавие, православие, народность». Монархистов в нашей стране явное меньшинство, но, вместе с тем, гораздо больше сторонников идеи «единой и неделимой» России. И еще больше, едва ли не более половины населения страны, традиционно верит в великую самобытность России и в ее самобытный путь развития. Здесь-то, между самобытной великодержавностью, берущей начало от исторического славянофильства, с одной стороны, и западничеством – с другой, и проходит фронт практически всех современных политических баталий и споров о векторе развития России. Даже на уровне федеральной власти проповедуется и реализуется идея Великой России, мировой державы, что вольно или невольно отстраняет ее от остального мира, но одновременно власть провозглашает курс на универсальную модернизацию всей страны, что в принципе невозможно осуществить в современных условиях отсталости России без тесного и активного взаимодействия с остальным миром и, в первую очередь, с Европой.

Калининградские «Патриоты Земли Российской» отличаются от своих единомышленников других регионов тем, что ощущают себя на «передовом фронте борьбы за души людей». Разделяя их на «своих» и «чужих», они не без оснований опасаются влияния (разлагающего, по их мнению) на калининградцев истории Восточной Пруссии и остатков немецкой цивилизации. Это влияние представляет наибольшую опасность для самоопределения калининградцев на принципах традиционных русских, православных ценностей; не может быть и речи о какой-то особой «калининградской идентичности» или, тем более, – идентичности «евро-прусской», или о калининградском «этносе».

Восточно-прусское наследие и вопрос о калининградской идентичности

«Патриоты» здесь во многом правы – рассуждения о калининградском «этносе», на мой взгляд, наивны. Более того, с осторожностью можно говорить и об особой калининградской идентичности – основы и главные признаки менталитета современных калининградцев, включая и молодых людей, те же, что и у русского населения остальной России. Но вместе с тем, конечно же, есть и свои особенности, связанные с эксклавным положением и восточно-прусским наследием. Другой вопрос – в какой степени эти особенности влияют на местную идентичность? На эту тему в Калининграде, в основном сотрудники Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта опубликовали уже немалое количество работ, исследуя ее с позиций культурологии, социологии, социальной философии, истории, психологии и т. п.

Вот лишь некоторые из результатов этих исследований. В течение 1991–2001 гг. факультет славянской филологии и журналистики Калининградского университета проводил в области фольклорные экспедиции с целью определить, «каким образом формируется новая культура в калининградском регионе, какой фактор является наиболее важным в становлении новых культурных стереотипов, имеет ли место процесс нивелирования этнических культур и если да, то как он протекает». Особый интерес в плане формирования самобытной фольклорной среды вызвало у участников экспедиций появление (сравнительно недавно) народных рассказов, отражающих представление об истории Восточной Пруссии. «В них осуществляется реконструкция германских мифологических представлений о подземных жителях (гномах-барздуках), карликах, немецком привидении, тайнах Кёнигсберга, духе королевы Луизы, подземных переходах и кладях. Оживляются или вновь создаются легендарные сюжеты о четырех дубах, посаженных самими пруссами, о происхождении отдельных

крепостей и рек. Сама история города в народных рассказах оценивается как великая тайна, прочитывающаяся в загадочных постройках (Дом Советов), в старых и новых мостах, фортах, в строительстве или разрушении костелов» (в текстах о разрушении немецких кирх часто встречается мотив проклятия, которым «порой объясняются причины плохой жизни переселенцев в Калининградской области в настоящее время»)⁴. Выводы, к которым пришли исследователи, сводятся к следующему. «Многонациональный состав области и ряд исторических, политических, географических причин, оказавших влияние на формирование культурной среды региона, являются свидетельством того, что область в этническом и культурном плане представляет собой своеобразную мозаику народных традиций»⁵. Поэтому «фольклорное наследие области следует рассматривать как систему локальных и региональных традиций»⁶. «Традиционная славянская система представлений наполняется материалом, характерным для другой этнокультурной традиции, с целью дополнительного объяснения чего-то неизвестного, непонятного. При этом осознание и восприятие исторического наследия Восточной Пруссии происходит не по принципу преемственности, причисления себя к пруссам, а самым непосредственным образом – путем рассмотрения себя в восточно-прусском пространстве и признания своей принадлежности к нему. Именно поэтому в общерусском фольклоре появляются несвойственные ему образы и имена (рыцари, ксендз, гном, карлик, дочь герцога, святой Адальберт, святая Ядвига), географические названия (Инстербург, Раушен и др.).

Следует признать, что тексты подобного рода еще не приобрели на данной территории устойчивого бытования и строгих жанровых форм. Причисление их к фольклорной традиции является предварительным и в известной мере предположительным. Наличие таких текстов в народном репертуаре также не следует расценивать как свидетельство этнической интерференции или творческого сотрудничества, так как они не являются преемственными, не имеют субъекта-источника. Источником «знаний» подобного рода для рассказчиков служат художественная и научно-популярная литература, СМИ, которые «подбрасывают» подобные сюжеты в народную среду. Тем не менее «восточно-прусские» сюжеты в устном фольклоре Калининградской области существуют, они развиваются и поэтому заслуживают самого пристального внимания».

Исследователи делают общий вывод о том, что: «На территории Калининградской области мы наблюдаем действительно формирование новой фольклорной субкультуры, в которой органически соединились элементы славянской, балтийской, германской культур»⁷.

Восточно-прусские мотивы в «калининградском тексте»

Любопытны также наблюдения о калининградской социокультурной специфике философа Ларисы Гавриловой, которая с позиций структурализма вслед за Юрием Лотманом использовала понятие текста культуры, т. е. любое явление или артефакт культуры, которое может рассматриваться как знаковое образование, участвующее в коммуникации. Совокуп-

⁴ РУБЦОВА, Л. Межэтнические отношения в русском фольклоре Калининградской области. In *На перекрестке культур: русские в Балтийском регионе*. Ч. 1. Общая ред. А. КЛЕМШЕВА. Калининград, 2004, с. 200, 201.

⁵ ГАЛКИНА, Е. Фольклор в контексте региональных ценностей и связей. *Вестник Балтийского научного центра*, 1996, № 1 (6), с. 67.

⁶ РУБЦОВА, Л. Op. cit., с. 197.

⁷ Ibid., с. 202, 203.

ность текстов определенной культуры образуют метатекст, концентрирующий основное содержание культуры, и представляющий собой наиболее абстрактную модель действительности с позиций данной культуры. Как писал Ю. Лотман, метатекст – это «картина мира» данной культуры⁸. Методика структурного анализа текста культуры была плодотворно применена Владимиром Топоровым в исследовании социокультурного феномена Санкт-Петербурга как концепта «петербургского текста» (точнее – метатекста), который понимается им не просто как письменный текст о Петербурге, а как некое символическое и мифопоэтическое образование, обладающее единым смысловым содержанием, которое отражается во многих его «субстратных» элементах. Эти элементы – не только литературные тексты, начиная с Александра Пушкина, но и произведения материальной и духовной культуры, природно-климатические аспекты описания Петербурга, «все варианты спиритуализации и очеловечивания города»⁹.

Отталкиваясь от модели «петербургского текста», Л. Гаврилина попыталась охарактеризовать социокультурную ситуацию Калининграда с помощью конструкции «калининградский текст» (КТ). При этом обращается внимание на несопоставимость масштабов культурных феноменов Петербурга и Калининграда и начальную фазу формирования (с конца XX в.) такого символического понятия, как «калининградский текст» культуры.

По мнению ученого, «Основной характеристикой «Калининградского текста» является его ярко выраженная антиномичность. Своеобразным его стержнем стало постоянно происходящее сравнение / противопоставление / соединение старого / нового, немецкого / русского, довоенного / послевоенного, чужого / своего. Между ними сохраняется и скрытое противостояние / соперничество, но и стремление прикоснуться к прошлому, гордость за его древность, историческую значимость, желание почувствовать это «своим». Важнейший элемент КТ, его неизменный маркер — память о Второй мировой войне как причине самого существования Калининградской области и всех ее особенностей»¹⁰.

Война разорвала историю земли, которая теперь называется Калининградской областью, и на долгие годы под давлением властей сделала ее землей без прошлого. В КТ, по мнению Л. Гаврилиной, играет большую роль ответ на вопрос о том, как строить отношения с чужим прошлым. Можно добавить, что наличие в КТ этой проблемы сформировало травмированную историческую память калининградского социума. Попытки изучить и понять довоенное прошлое края, чтобы сделать его хоть в какой-то мере своим, или найти в этом чужом прошлом фрагменты своей родной истории, выдвинули на первый план в КТ дилемму «своего-чужого».

В Калининградской области сложилась специфическая ситуация, «когда, – пишет Л. Гаврилина – довоенное прошлое постепенно «срасталось» с послевоенным российским настоящим. Какая-то часть прошлого (отобранная кем? по какому принципу?) продолжала жить в настоящем в каких-то объектах, знаках, образах, рассказах, мифах». ««Свое» и «чужое» сплетаются в какое-то фантастическое единство. Парадокс состоял в том, что большая часть чужой культуры оказалась разрушенной, землю покинули ее прежние обитатели, нигде не звучит немецкая речь, но при этом прошлое – в том виде, в котором мы его поняли, придумали, вообразили – в каком-то призрачном, фантомном виде продолжает параллельное с нашей реальностью существование. «Тень», «фантом», «призрак» – эти понятия прочно вошли в

⁸ ЛОТМАН, Ю. *Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история*. Москва, 1999, с. 173.

⁹ См.: ТОПОРОВ, В. Петербург и петербургский текст русской литературы (введение в тему). In ТОПОРОВ, В. *Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследование в области мифопоэтического: Избранное*. Москва, 1995, с. 259-367.

¹⁰ ГАВРИЛИНА, Л. Калининградский текст как метатекст культуры. *Кантовский сборник*, 2010, № 3 (33), с. 73–74.

литературный лексикон и составили один из смысловых «кирпичиков» КТ»¹¹. При этом выделяется идея города-призрака Кёнигсберга, озвученная еще в 1964 г. Иосифом Бродским в стихотворении *Einem alten Architekten in Rom* после его посещения Калининграда и Балтийска. С тех пор «город-призрак» стал устойчивым образом в произведениях калининградских поэтов и художников.

Еще один важный элемент КТ – это миф о «тайнах» Кёнигсберга и Восточной Пруссии. «Среди важнейших из них, с которыми знакомят приезжих, – рассказы о подземном городе, затопленных заводах, загадочных подземных дорогах и замурованных складах, о каких-то несметных сокровищах, конечно же, о хранящейся где-то Янтарной комнате – несть им числа, множество их вариантов представлено в разного рода книгах и книжицах»¹².

Что касается географических, природно-климатических и геополитических особенностей Калининградской области, то в обобщенном виде они фиксируются в КТ в мифологеме «острова».

Поддерживая в целом саму идею конструирования КТ как метатекста культуры, обратим внимание, на то, что практически во всех элементах этой конструкции косвенно или непосредственно присутствует восточно-прусское прошлое.

Заключение

В заключение, суммируя вышеприведенный материал о значении образа Восточной Пруссии для калининградцев, попробуем ответить на вопрос, в той же прямолинейной, бесхитростной форме, в которой он поставлен в название статьи.

Итак, «Восточная Пруссия» для калининградцев как многообразный символ и социокультурно-историческое явление – это: для государственных и политических деятелей иногда «головная боль» или «разменная карта» в политике; это важный фактор в идеологической, политической борьбе в регионе (вокруг вопроса о мнимой «германизации» области, в контексте отношений России и Европы, «своего и чужого», защиты русской культуры и «разоблачения» ее «предателей» и т. п.); для калининградцев, причастных к художественному творчеству (особенно, писателей, поэтов, художников) – один из основных источников вдохновения; в условиях тотальной коммерциализации жизни людей (у многих и душ) и господства интернациональной масс-культуры, «Восточная Пруссия» – это привлекательный, выгодный и эксклюзивный в масштабах России бренд (в Калининграде и области насчитываются десятки торговых марок, организаций и компаний, в названиях которых присутствуют восточно-прусские топонимы или историко-культурные символы; именно в брендовом, потребительском значении в первую очередь воспринимается калининградцами «Восточная Пруссия», и это необходимо учитывать при анализе особенностей местной идентичности, не преувеличивая значение этих особенностей для сложного процесса самоопределения); наконец, для людей, причастных к интеллектуальному труду, «Восточная Пруссия» – это многообразный, сложный, интересный и долговременный объект исследования, который не только творчески вдохновляет, но и расширяет творческие партнерские связи, прежде всего, в пространстве между Вислой и Неманом.

¹¹ Ibid., с. 75.

¹² Ibid., с. 77.

Список использованных исследований

- ГАВРИЛИНА, Лариса. Калининградский текст как метатекст культуры. *Кантовский сборник*, 2010, № 3 (33), с. 64-79.
- ГАЛКИНА, Е. Фольклор в контексте региональных ценностей и связей. Вестник Балтийского научного центра, 1996, № 1 (6).
- ЛОТМАН, Юрий. *Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история*. Москва, 1999.
- РУБЦОВА, Лариса. Межэтнические отношения в русском фольклоре Калининградской области. In *На перекрестке культур: русские в Балтийском регионе*. Ч. 1. Общая ред. А. КЛЕМЕШЕВА. Калининград, 2004, с. 194-203.
- Стратегии развития Калининградской области*. Под ред. А. КЛЕМЕШЕВА, В. МАУ. Калининград, 2007.
- ТОПОРОВ, Владимир. Петербург и петербургский текст русской литературы (введение в тему). In ТОПОРОВ, Владимир. *Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследование в области мифопоэтического*: Избранное. Москва, 1995, с. 259-367.

KĄ DABARTINIAMS KALININGRADIEČIAMS REIŠKIA RYTŲ PRŪSIJA?**Valerij Galcov**

Baltijos federalinis Immanuelio Kanto universitetas, Kaliningradas, Rusija

Santrauka

Klausimas, ką reiškia Rytų Prūsija kaliningradiečiams, tapo ypač aktualus žlugus Tarybų Sąjungai, kadangi būtent tuomet Kaliningrado sritis atsidūrė ypatingoje padėtyje, kurios specifika lėmė, viena vertus, eksklavo padėtis likusios Rusijos atžvilgiu, antra vertus, daugybė neišspręstų klausimų, susijusių su santykiu į buvusios Rytų Prūsijos paveldą. Terminas „Rytų Prūsija“, iki šiol vartojamas Kaliningrado ir kitų Rusijos sričių ekonomistų ir politikų leksikone, neretai vaidina dirgiklio vaidmenį, ypač tarp pačių kaliningradiečių. Būtent žlungant Tarybų Sąjungai Kaliningrado srityje prasidėjo tikroji kova dėl Rytų Prūsijos praeities, kadangi būtent tuomet atsirado galimybė laisvai minčių raiškai. Ši kova, tai užgesdama, tai užsiliepsnodama, vyksta ideologinio apsisprendimo dėl moderniosios Rusijos gyventojų tapatybės kontekste, kuriame alternatyvų vaidmenį vaidina, viena vertus, savitas Rusijos didžiavalstybiškumas, besikildinantis iš istorinių slavofilų idėjų, o antra vertus, „vakarietiškumas“. Pirmosios alternatyvos šalininkai („patriotai“) Kaliningrado srityje skiriasi nuo savo bendraminčių kitose Rusijos dalyse tuo, kad jaučiasi esantys minėtosios kovos avangarde. Jų manymu, Rytų Prūsijos istorija ir vokiečių civilizacijos liekanos skaido Kaliningrado srities gyventojų tapatybę ir kelia grėsmę tradicinių rusiškų, pravoslaviškų vertybių palaikymui. Jie įsitikinę, kad apie savitą „kaliningradietišką tapatybę“ ar kaliningradietišką „etnosą“ negali būti nė kalbos.

Išties savitos kaliningradietiškos tapatybės egzistavimas kelia abejonių. Nepaisant to, kad eksklavo padėtis bei Rytų Prūsijos paveldas daro įtaką kaliningradiečių mentaliteto savitumui, to mentaliteto pagrindai ir esminiai bruožai (įskaitant ir jaunuomenę) yra tokie patys kaip ir likusios Rusijos gyventojų. Klausimas, kokią įtaką Rytų Prūsijos paveldas daro srities gyventojų tapatybei, ne vieną sykį buvo keliamas Baltijos federalinio Immanuelio Kanto universiteto mokslininkų tyrimuose. Antai 1991–2001 m. vykusios folkloro rinkimo ekspedicijos parodė, kad palyginti neseniai Kaliningrado srityje susiformavo liaudies pasakojimų, atspindinčių Rytų Prūsijos praeities vaizdinius. Neretai Kaliningrado ir kitų srities vietovių objektai yra skaitomi per slėpiningo „miesto-vaiduoklio“ prizmę, palaikant mitus apie paslaptinius požeminius tunelius ir kelius, paskandintas

įmones, po žeme paslėptus turtus ir, žinoma, kažkur saugomą Gintaro kambarį. Tokių „žinių“ šaltinių dažnai tampa meninė ir populiarioji literatūra, žiniasklaidos priemonės, kurių poveikis lemia, kad Rytų Prūsijos paveldo elementai vienaip ar kitaip egzistuoja visuose bandymuose konstruoti kaliningradietišką tekstą. Vis dėlto tie patys tyrimai rodo, kad svarbiausiu šio teksto elementu tebe lieka atminimas apie Antrąjį pasaulinį karą, kuris suvokiamas kaip pagrindinė Kaliningrado srities ir visų jos ypatumų egzistavimo priežastis.

Taigi Rytų Prūsija kaliningradiečiams yra daugiareikšmis simbolis ir sociokultūrinis istorijos reiškinys. Valstybės ir politikos veikėjams tai kartais „galvos skausmas“ arba „keičiama korta“ politikoje, sykiu svarbus veiksnys ideologinėje ir politinėje kovoje, vykstančioje regione dėl įsivaizduojamos jo „germanizacijos“, dėl Rusijos ir Europos santykių, dėl „savo ir svetimo“, dėl rusiškos kultūros apsaugos bei jos „išdavikų demaskavimo“ ir pan. Kaliningradiečiams, susijusiems su meno veikla (ypač rašytojams, poetams, dailininkams), tai vienas pagrindinių įkvėpimo šaltinių. Visiško žmonių gyvenimų komercializavimo ir internacionalinės masinės kultūros viešpatavimo sąlygomis Rytų Prūsija tampa patraukliu, pilną nešančiu ir Rusijos mastu ypatingu prekės ženklu: Kaliningrade ir srityje priskaičiuojama dešimtys prekių ženklų, organizacijų ir kompanijų, kurių pavadinimuose esama Rytų Prūsijos toponimų ar istorinių-kultūrinių simbolių. Būtent vartotojiška prasme kaliningradiečiai suvokia Rytų Prūsiją pirmiausia, ir į tai būtina atsižvelgti analizuojant vietinės tapatybės ypatumus. Pagaliau žmonėms, susijusiems su intelektualia veikla, Rytų Prūsija – tai įvairiapusiškas, sudėtingas, įdomus ir ilgalaikis tyrimų objektas, kuris ne tik įkvėpia kūrybai, bet ir plečia kūrybinius bendradarbiavimo saitus, pirmiausia erdvėje tarp Vyslos ir Nemuno.

ON THE MEANING OF EAST PRUSSIA FOR CONTEMPORARY KALININGRADIAN S

Valeri Galtsov

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

S u m m a r y

The question of the meaning of East Prussia to Kaliningradians became especially topical after the collapse of the Soviet Union, as it was at that time that Kaliningrad Region found itself in a special situation. Its specificity resulted, on the one hand, from the exclave situation with regard to the rest of Russia and, on the other hand, from a number of unsolved issues related to the attitude of the heritage of the former East Prussia. The term of East Prussia, still used by economists and politicians of Kaliningrad and other regions of Russia, not unfrequently played the role of an irritant, especially among Kaliningradians. It was specifically during the collapse of the Soviet Union that the real battle about the past of East Prussia started in Kaliningrad Region, as an opportunity for free expression of ideas emerged. The battle, here fading away, and here flaring up, still takes place in the context of self-determination of contemporary Russians with respect to their identity: in it, and alternative roles are played, on the one hand, by the specific Russian great-power idea derived from the historical tradition of slavophilism, and on the other hand, by the “Westernism”. The supporters of the first idea (“patriots”) in Kaliningrad Region differ from like-minded people in other parts of Russia, as they feel belonging to the vanguard of the said battle. To their mind, the history of East Prussia and the remains of German civilization split the identity of the population of

Kaliningrad Region and pose a threat to the maintenance of traditional Russian Orthodox values. They believe that the idea of any specific “Kaliningradian identity” or “a Kaliningradian ethnic group” is out of the question.

True, the existence of a distinctive Kaliningradian identity is questionable. Despite the impact of the exclave status and the heritage of East Prussia on the mentality of Kaliningradians, the basis and the fundamental qualities of their mentality (including those of the youth) are identical to those of the rest of Russian population. The question of what impact the heritage of East Prussia makes on the identity of the regional population has been more than once raised in the research of scholars of Immanuel Kant Baltic Federal University. The folklore collection expeditions of 1991-2001 witnessed the relatively recent formation of folk stories reflecting the images of the past of East Prussia. Not infrequently, the objects of Kaliningrad and other places of the region were read through a prism of a mysterious ghost city, by maintaining the myths of secret underground tunnels and roads, drowned enterprises, the treasures hidden underground, and, of course, the somewhere stored Amber Room. The sources of such “information” were frequently fiction and popular literature, as well as the media, whose impact accounted for the existence of East Prussian heritage elements in all the attempts to construe a Kaliningradian text in one or another way. However, the same studies proved that the principal element of the text was still the memory of World War II which was seen as the key reason of the existence of Kaliningrad Region and all of its principal characteristics.

Therefore, for Kaliningrad population, East Prussia is a multidimensional symbol and a socio-cultural historical phenomenon. For the state and political figures, it is sometimes a headache, and sometimes a playing card in politics, and simultaneously a major factor in the ideological and political struggle taking place in the region due to its alleged Germanization, the relations between Russia and Europe, “one’s own” and “foreign”, the protection of Russian culture, the “unmasking of its traitors”, etc. For Kaliningrad people engaged in art-related activity (especially authors, poets, and painters), it is a major source of inspiration. Under the conditions of total commercialization of people’s lives and the predomination of international mass culture, East Prussia is turning into an attractive, profit-making, and all-Russia-scale brand: Kaliningrad and its region offer dozens of brands, organizations, and companies the names of which include East Prussian toponyms or historical cultural symbols. Kaliningradian perception of East Prussia is primarily utilitarian, and that is to be taken into account in the studies of the local identity. Finally, for people engaged in intellectual activities, East Prussia is a versatile, sophisticated, interesting, and long-term research object which both inspires creatively and extends creative collaboration networks, particularly in the area between the Vistula and Neman Rivers.